

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134

УДК 94(47)084.3(003)(045)

Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения

С.В. Медведев^а, Е.Е. Кочетков^б, Е.В. Бестаева^с^{а,б} Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия;^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована оперативная документация Департамента полиции и Московского охранного отделения, касающаяся тем, так или иначе связанных с русско-японской войной 1904–1905 гг. Авторы рассматривают спорный вопрос призыва на военную службу офицеров запаса, служащих в полиции; переписку официальных лиц по вопросу двойного жалования полицейских, призванных на фронт. В исследование включены сообщения начальников местных розыскных учреждений о лицах, позволивших себе антивоенные высказывания. Документы, проанализированные в работе, содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации – 102 (Департамент полиции) и 63 (Московское охранное отделение). Частично использованы документы 58-го фонда (Московское губернское жандармское управление) и 124-го фонда (Уголовные отделения первого департамента министерства юстиции). В исследовании архивных документов применены методы контент-анализа и хронологический.

Ключевые слова: источники; революционное движение; солдатские бунты; доносы; японцы; охранное отделение; губернское жандармское управление

Для цитирования: Медведев С.В., Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Русско-японская война 1904–1905 годов в документах Департамента полиции и Московского охранного отделения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(2):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134

ORIGINAL PAPER

The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the documents of the Police Department and the Moscow Guard Department

S.V. Medvedev^а, E.E. Kochetkov^б, E.V. Bestaeva^с^{а,б} Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia;^с Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the operational documentation of the Police Department and the Moscow Guard Department, concerning topics related in one way or another to the Russo-Japanese war of 1904–1905. The authors consider the controversial issue of drafting reserve officers, who served as policemen, into the army; officials' correspondence on the issue of double salaries of police officers who had been drafted to the front. The article includes reports from the heads of local investigative agencies about those who allowed themselves anti-war statements. The documents analyzed in the article are kept in the funds of the State Archive of the Russian Federation – 102 (Police Department) and 63 (Moscow Guard Department). The documents of the 58th fund (Moscow Provincial Gendarme Department) and 124th fund (Criminal departments of the first Department of the Ministry of Justice) were partially used.

Keywords: sources; revolutionary movement; soldiers' riots; denunciations; Japanese; guard department; provincial gendarme department

For citation: Medvedev S.V., Kochetko E.E., Bestaeva E.V. The Russo-Japanese war of 1904–1905 in the documents of the Police Department and the Moscow Guard Department. *Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(2):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-2-128-134

О русско-японской войне написано большое количество научных трудов. Исследователи скрупулезно изучали общественное мнение в разных странах; военные, дипломатические, экономические, медицинские, культурные аспекты войны [1–7]. В то же время публикаций, в которых русско-японская война рассматривалась бы на основе преимущественно полицейских документов, в российской историографии до сих пор нет. Настоящая статья призвана частично восполнить имеющийся пробел.

Одним из вопросов, который серьезно беспокоил администрацию многих российских городов, был призыв на военную службу полицейских, состоящих офицерами запаса. 3 ноября 1904 г. градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант И.А. Фуллон писал министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому: «Десять офицеров запаса армии, состоящих на службе в Санкт-Петербургской столичной полиции, ввиду последовавшего объявления Высочайшего повеления о мобилизации армии, освобождены мною от исполнения своих служебных обязанностей, за призывом на действительную военную службу, и отправились к месту новой службы. Затем, ввиду Высочайшего повеления о призыве из запаса офицерских чинов запаса, для пополнения войсковых частей, как действующих на Дальнем Востоке, так и расположенных вне районов войны, призваны были на действительную военную службу еще восемь чиновников полиции. Ныне призывные листы вручены еще троим старшим помощникам приставов столичной полиции и одному паспортисту»¹. Фуллон предлагал освободить офицеров запаса, служащих в столичной полиции, от призыва в армию по двум причинам: во-первых, оперативно найти замену было практически невозможно, во-вторых, у призванных лиц сохранялось материальное обеспечение по гражданской должности (т.е. фактически это означало две заработные платы). Столичный градоначальник предупреждал министра внутренних дел и военного министра о возможном недокомплекте полиции Санкт-Петербурга: «Исключительное положение Петербурга как столицы государства, резиденции Государя Императора и постоянного места пребывания Высочайших особ, а равно особые условия охраны

общественного порядка и спокойствия в городе, не допускали до сего времени возможность держать некомплект чинов полиции, и отсутствие чиновников полиции, призванных на действительную военную службу, ставит местную полицию в крайне затруднительное в этом отношении положение»². Ответ П.Д. Святополк-Мирского И.А. Фуллому не отличался определенностью: «...ввиду крайней затруднительности провести в законодательном порядке вопрос об освобождении от призыва всех чинов Санкт-Петербургской столичной полиции, в особенности в настоящее время, необходимо в будущем ограничиваться ходатайством пред Военным Министерством о временном освобождении призываемых от службы в войсках, по истечении же времени отсрочки — возобновлять таковые ходатайства»³. И.А. Фуллон был не одинок в ходатайствах на имя министра внутренних дел. Идентичные послания отправили П.Д. Святополк-Мирскому Санкт-Петербургский губернатор А.Д. Зиновьев («заставить призываемых должностных лиц, без ущерба для общего дела, мне нечем, тем более, что на сие в распоряжении моем не имеется никаких денежных средств»⁴) и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант князь Г.С. Голицын («...из каких средств следует покрывать издержки по двойному удовлетворению содержания лиц, призываемых в настоящее время на военную службу с гражданских должностей, и лиц, назначаемых на их место в таких случаях, когда, для пользы дела, должность не может быть оставлена без фактического исправления»⁵). 27 мая 1904 г. товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский разослал всем губернаторам разъяснения о том, что все мобилизованные должны получать выплаты по гражданским должностям в полном объеме: жалование, столовые, квартирные, пенсии, добавочное содержание, пособие на воспитание детей, жалование за знаки отличия и другие. Несмотря на то что Министерство внутренних дел подробно разъяснило спорный вопрос, Стишинский продолжал получать жалобы от бывших полицейских, рядовых и офицеров, призванных на фронт. Так, 9 августа 1905 г. ему написал штабс-капитан 100-го пехотного Остров-

² Там же.

³ Там же. Л. 10 б.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 27–28.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 222. Л. 9.

ского полка Евгений Николаевич Ольшевский: «Сотни запасных, призванных с государственной гражданской службы на военное дело, не лишены должности и содержания, а я, может, один, вследствие простого недоразумения, лишен должности и содержания. Пострадав на театре военных действий, и вследствие болезненного состояния, после полученной контузии снарядом шимоза в голову, эвакуированный в Россию, я с надеждой на участие в этом деле Вашего Превосходительства, прошу восстановить потерянные вследствие недоразумения мои права на должность пристава и содержание»⁶. В отдельных случаях разбирательства по вопросу жалования продолжались до конца 1911 г. К примеру, запасной зауряд-прапорщик Георгий Золин в 1911 г. ходатайствовал о выдаче ему жалования по должности урядника за время пребывания на военной службе в период русско-японской войны⁷.

Другим вопросом, беспокоящим Департамент полиции во время русско-японской войны, можно считать сообщения губернаторов с мест. Особенно тревожные вести приходили из сибирских губерний. Томский губернатор В. Н. Азанчевский-Азанчев в 23 февраля 1905 г. отправил в Департамент полиции протокол бийского уездного исправника, в котором ярко живописались общественные настроения среди «инородческого населения» Горного Алтая. Исправник сообщал: «Нанка Лапасов, Баба Чемылов и Сексемей Кербеев ездят по аилам и распространяют слухи, что Японский Царь победил Белого Царя и вплоть до города Иркутска завоевал все города, забрав железную дорогу и Золотую Гору (Порт-Артур), заявляя при этом, что они лично видели Японского Царя, которого и видят Япона-Ойрота, и напоминают калмыкам, чтобы они верили им, называя себя “джарлыками”, то есть проповедниками, возвещают народу о том, что на том месте, где был взят Чета Челпанов, весной спустится с неба железная молельня, которую русским не разрушить, и что все верующие моментально очутятся за тремя сопками в вершине реки Катуня и перейдут моментально в Японию, что у Белого Царя нет золота, почему и выпускает бумажные деньги»⁸. Слухи, распускаемые «джарлыками», дополнялись молитвами калмыков богу Бурхану и надеждами

на то, что весной 1905 г. придет «царь Япон и будет русских бить». 18 марта бийский исправник отправил прокурору Томского окружного суда дополнительную информацию: «...калмыки Алтая начинают волноваться; одновременно с этим в городе Бийске, и особенно в его уезде, стали ходить слухи о движении среди калмыков, подобном прошлогоднему, и враждебном отношении к русскому населению, между прочим говорили, что калмыки скупают в большом количестве хлеб, складывают его где то в горах с тем, чтобы отправить в Японию, препятствуют проведению телеграфа по чуйскому тракту и уже опрокинули 15 телеграфных столбов»⁹.

В городах европейской части Российской империи, наоборот, агрессию и подозрения вызывали японцы. Преподаватель японского языка факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Йосибуми Куроно 4 апреля 1907 г. написал жалобу в Департамент полиции на своего коллегу, который на протяжении нескольких лет безосновательно обвинял его в шпионаже против России: «В 1904 году, с началом русско-японской войны, моим учеником и сотрудником по составляемому и издаваемому нами ныне солидному научному труду — первому в России “Самоучителю Японского языка”, В. П. Панаевым, был составлен и издан под моей редакцией “Военный русско-японский толмач”. Толмач этот, согласно многим письменным и устным отзывам, оказался составленным крайне добросовестно и на войне очень полезным. Между тем, в конце того же 1904 года, некий преподаватель древних языков в гимназии В. А. Завадский-Краснопольский, имеющий самое поверхностное понятие о языке японцев, руководимый исключительно чувством мести за отказ мой давать ему уроки и снабдить его первыми листами неоконченного еще “Самоучителя”, выступил против меня в печати с обвинением, что я изобрел семь способов искажения “Толмача” с целью нанести вред Русской Армии. Несмотря на полную абсурдность такого заявления и солидное опровержение в печати, он все же продолжал свои нападки, что и побудило меня и составителя “Толмача” г. Панаева привлечь его к уголовной ответственности за клевету»¹⁰. В 1907 г. состоялись слушания в столичном Окружном суде,

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 222. Л. 71.

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 42 л. Б. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 2. Л. 102.

однако дело было отправлено на доследование. Как считал Куроно, суд не смог вынести никакого решения из-за того, что Завадский-Краснопольский «собирается играть исключительно только на том, что я японец, а так как де большинство японцев были шпионами, то тем самым возбудить против меня Суд и общественное мнение». Разочаровавшись в суде, Йосибуми Куроно обращался с парадоксальной просьбой в Департамент полиции: «Ввиду этого, равно как и того моего глубокого сознания, что я ни в чем не провинился пред Его Императорским Величеством Государем Императором Российской Империи, Всемилостивейше предоставившем мне, японскому подданному, проживать во все время войны в пределах Его Государства и продолжать заниматься моим мирным трудом, равно как и не чувствуя вины пред Его Народом, я имею честь ныне ходатайствовать пред Департаментом полиции о выдаче личного мне свидетельства в том, что за мной ничего предосудительного замечено не было, почему я и пользовался во все время русско-японской войны полнейшей свободой жительства в пределах Российской империи»¹¹. Судя по всему, в дальнейшем подобные неприятные истории обходили Йосибуми Куроно стороной; исследователи отмечают педагогические успехи преподавателя в 1910-е гг.: «Йосибуми Куроно... преподавал будущему ректору Московского университета Николаю Невскому, а также Сергею Елисееву и Мартину Раммингу, которые заложили основы японологии в Европе и Америке [8].

Охранные структуры внимательно следили за поведением общественности на публичных мероприятиях. 27 января 1904 г., в день начала русско-японской войны, в здании Благородного собрания в Москве состоялось заседание губернского земства. Домашняя учительница Люция-Мария Адольфовна Крушевская, судя по справке Московского охранного отделения, позволила себе «демонстративно не встать во время чтения Председателем Собрания Князем Трубецким всеподданнейшей телеграммы на Высочайшее Имя, с выражением верноподданических чувств, по поводу событий на Дальнем Востоке, за что ей и было воспрещено жительство в Москве и Московской губернии сроком на три года»¹². Репертуар театров также подвергался контролю.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 105. Д. 2. Л. 102.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 431. Л. 131.

28 января 1905 г. начальник Оренбургского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции: «В городском театре была поставлена драма Хейрманда “Гибель надежды”..., вызвавшая среди публики волнения, благодаря сюжету... Артист Никулин позволил себе в некоторых местах своей роли добавлять от себя выражения, не имеющиеся в тексте пьесы, так например: в 1 действии, рассказывая о том, что на войне он получил в награду медаль за то, что убивал невинных людей и, бросая (по пьесе) таковую на пол, прибавил от себя слова: “будь она проклята”. Указанные выше оттенки и вставка, вызывая одобрение райка, настолько взволновали часть публики партера, что некоторые военные, а также и гражданские лица, покинули театр до окончания спектакля, а среди публики слышались ироничные замечания в роде следующего: “зачем разбрасываются по городу прокламации, когда смысл их можно услышать на сцене”»¹³.

Революционно настроенные активисты использовали военные обстоятельства в своих целях. 16 октября 1904 г. товарищ прокурора Московского окружного суда Добрынин писал прокурору Московской судебной палаты: «15 сего октября Московским охранным отделением были получены сведения, что в университете появилось объявление, которым студенты приглашаются вечером того же числа прибыть на Ярославский вокзал для должных проводов отъезжающих на Дальний Восток. Вечером действительно предстояла отправка в город Ярославль запасных нижних чинов и отъезд туда прапорщиков запаса. В десятом часу вечера на Ярославском вокзале начали собираться студенты, которые находились в зале 1 класса в количестве более 100 человек. Один из студентов, встав на стол, произнес речь, в которой говорил о бесцельности ехать на войну с внешним врагом, когда остается дома внутренний враг — правительство, причем названный студент окончил свою речь возгласом: «долгой самодержавие», а остальные студенты подхватили этот возглас и запели известную противоположительственную песнь под заглавием “Рабочая Марсельеза”. Произошла свалка, а между тем дожидавшиеся в зале 3 класса нижние воинские чины, отъезжавшие в Ярославль, возмущенные происшествием, выбежали на платформу и оттеснили студентов и бывших с ними каких-то

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 29 л. Б. Л. 1.

женщин сначала в вокзал, а оттуда на Каланчевскую площадь, причем бежавшим студентам были нанесены побои»¹⁴. Зачастую революционно настроенные студенты разбрасывали прокламации. К примеру, в мае 1904 г. неизвестные оставили пачку листовок «Красное знамя или Красный Крест» и «Русско-японская война» на территории Московской шерстоткацкой мануфактуры, в близлежащем лесу и на станции «Кунцево». Несмотря на то что этим делом довольно долго занимался ротмистр Отдельного корпуса жандармов Каневский, виновные найдены не были¹⁵.

В 1904–1905 гг. участились инциденты, связанные с поведением запасных солдат в различных городах России. 25 октября 1904 г. в Москву прибыл из Кадникова эшелон с 1000 запасных солдат. Несмотря на то что все винные лавки на расстоянии 250 саженей от станции были закрыты, а трактиры и пивные лавки охранялись полицией, это не помешало нижним чинам начать беспорядки. Комендант станции направил в Департамент полиции рапорт: «Запасные... пытались ворваться в ближайшую булочную Филиппова, в трактир 3 разряда Федорова, один из запасных начал кидать камни и поленья в окна этого трактира, останавливали проходившую публику с явным намерением нанести оскорбление действием, требовали от встречавшихся легковых извозчиков бесплатного провоза по городу, зашли толпой в трактир Голубева (трактир без продажи крепких напитков), имея с собой водку, которую намеревались здесь распить, набросились на винную лавку в доме Рахманова с целью разгромить ее, били стекла в окнах близлежащих домов, а в трактир Кузнецова кидали камни и порывались разгромить этот трактир»¹⁶. Усмирять бунтовщиков прибыл батальон Троице-Сергиевского 194-го пехотного полка, в результате чего два запасных чина были убиты, шесть ранено.

В город Черкассы 22 июня 1905 г. прибыла партия запасных солдат в количестве 1300 чел. Как сообщал киевский губернатор П. С. Саввич в Департамент полиции, «при приходе поезда многие сидели на крышах вагонов, кричали, танцевали на крышах, большая половина людей была пьяна... Приходилось слышать угрозы про-

тив евреев. Запасные высказывали, что в Киеве запасные из евреев уклонились от явки, что евреи подстрекали запасных не идти на войну и не слушать начальства; некоторые же из запасных высказывали, что они хотят отомстить и за полицию, так как читали в газете, что здесь евреи облили серной кислотой помощника пристава и начальника тюрьмы»¹⁷. Похожая история произошла в Сызрани. Сызранский полицмейстер информировал симбирского губернатора Л. В. Яшвиля: «17 сего мая, среди дня, на станцию «Сызрань» Сызрано-Вяземской железной дороги прибыли с Кавказа по железной дороге и остановились на дневку два эшелона добровольцев из осетин, лезгин и горских татар, в количестве 450 человек, следующих на Дальний Восток, на пополнение Дагестанских и Терских полков... Прибывшая со станции большая толпа горцев, вооруженная палашами, кинжалами и револьверами, стала производить партиями, человек в десять-пятнадцать, буйство и стрелять в дома терпимости»¹⁸. Сотники и есаулы, возглавлявшие добровольцев, были бессильны остановить беззаконие. Пьяные солдаты занялись грабжом и изнасилованиями сызранских проституток. Офицеры с поезда добровольцев сообщили сызранскому полицмейстеру о том, что «нижние чины собраны в горах Кавказа, народ дикий, необузданный, в войсках не служивший и никакого понятия о дисциплине не имеющий, причем почти каждый из них отбывший несколько раз тюремное заключение за разные преступления. Со дня выезда с Кавказа люди их совершили уже несколько преступлений, в том числе убийства, ввиду чего они, командиры, просили свое начальство сделать распоряжение, чтобы эшелоны их не останавливались на дневки ни в городах, ни на станциях железных дорог, а делали бы таковые в полях, но до сих пор такого распоряжения ни от кого почему-то не последовало»¹⁹. Удивительно, что поезд с рецидивистами, безнаказанно совершающими преступления, спокойно путешествовал по стране. Сызранский полицмейстер не решился произвести аресты: двух задержанных солдат отпустили, всем добровольцам были возвращены палаши и кинжалы.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 13. Д. 1397. Л. 3.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 58. Оп. 8. Д. 724. Л. 31.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 701. Л. 27.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 4 л. Б. Л. 20.

¹⁸ Там же. Д. 1 ч. 41 л. Б. Л. 18.

¹⁹ Там же.

Таким образом, полицейские документы свидетельствуют о разрухе на всех уровнях обеспечения военных действий на Дальнем Востоке. Резервисты, которых отправляли на фронт, превращались в неуправляемые массы бандитов; культурно-массовые мероприятия использовались революционерами в пропагандистских целях; радикальные студенты разбрасывали антивоенные листовки; иностранцы, даже живущие и работающие много лет в России, подвергались перманентным подозрениям и доносам; офицеров запаса, служащих в полиции, забирали в дей-

ствующую армию, чем наносился вред сыскной работе. По мнению большого числа исследователей, военная промышленность не справлялась с запросами фронта: «В 1904 году военные заказы выполняли заказы лишь на 60–70%. По многим позициям русская армия критически зависела от поставок из-за рубежа. За рубежом приходилось заказывать пулеметы, снаряды для скорострельной артиллерии и гаубицы» [9]. Российский флот, как и армия, испытывал серьезные трудности с комплектованием и подготовкой личного состава [10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевченко Ю.Л., Матвеев С.А., Сусов Р.П. Медицинская помощь раненым и больным в русской армии и на флоте в русско-японскую войну (1904–1905 гг.). *Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова*. 2021;16(4):148–154.
2. Овчаров В.В. Военно-санитарные поезда в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *The Newman in Foreign Policy*. 2019;48(92):48–52.
3. Яков Ф. Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке. СПб.: Academic Studies Press; 2022. 239 с.
4. Яковлев А.И. Русско-японская война. М.: Вече; 2017. 446 с.
5. Левицкая Т.В. Русско-японская война глазами русской писательницы (дневник и публицистика Н.А. Лухмановой). *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2018;2(59):167–173.
6. Яушкина Н.Н., Абазаев А.Ш. Социально-экономическая политика Николая II до начала русско-японской войны. *Уральский научный вестник*. 2018;3(1):42–43.
7. Кудрявцев И.Г. Борьба на морских коммуникациях в русско-японскую войну. *Вопросы гуманитарных наук*. 2020;5(110):13–18.
8. Шевченко Д. Святой равноапостольный Николай Японский — земляк, современник и единомышленник выдающегося педагога-просветителя XIX века С.А. Рачинского: общность педагогических взглядов. *Рязанский богословский вестник*. 2018;2(18):82–89.
9. Лебедев А.С. Тактические уроки Русско-японской войны. *Modern Science*. 2020;(7–2):82–83.
10. Зубов А.Ю. Подготовка личного состава русского флота в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. *Аллея науки*. 2021;10(61):140–143.

REFERENCES

1. Shevchenko Y.L., Matveev S.A., Susov R.P. Medical aid to the wounded and sick in the Russian army and navy in the Russian-Japanese war (1904–1905). *Vestnik Nacional'nogo mediko-hirurgicheskogo Centra im. N.I. Pirogova*. 2021;16(4):148–154. (In Russ.).
2. Ovcharov V.V. Military-sanitary trains during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *The Newman in Foreign Policy*. 2019;48(92):48–52. (In Russ.).
3. Jacob F. The Russo-Japanese War and Its Impact on the Course of History in the Twentieth Century. St. Petersburg: Academic Studies Press; 2022. 239 c. (In Russ.).
4. Yakovlev A.I. The Russo-Japanese War. Moscow: Veche; 2017. 446 c. (In Russ.).
5. Levitskaya T.V. The Russo-Japanese war through the eyes of a Russian writer (diary and journalism of N.A. Lukhmanova). *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018;2(59):167–173. (In Russ.).
6. Yaushkina N.N., Abazaev A. Sh. Socio-economic policy of Nicholas II before the beginning of the Russian-Japanese war. *Ural'skij nauchnyj vestnik*. 2018;3(1):42–43. (In Russ.).
7. Kudryavtsev I.G. Struggle on sea communications in the Russo-Japanese War. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2020;5(110):13–18. (In Russ.).

8. Shevchenko D. St. Equal-to-the-Apostles Nicholas of Japan — fellow countryman, contemporary and like-minded of the outstanding 19th century educator-enlightener S.A. Rachinsky: commonality of pedagogical views. *Ryazanskij bogoslovskij vestnik*. 2018;2(18):82–89. (In Russ.).
9. Lebedev A. S. Tactical lessons of the Russo-Japanese War. *Modern Science*. 2020;(7–2):82–83. (In Russ.).
10. Zubov A. Yu. Personnel training of the Russian Navy in the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Alleya nauki*. 2021;10(61):140–143. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Владимирович Медведев — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Sergey V. Medvedev — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6132-0997>

speransky1809@yandex.ru

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>

kochetkov.work@gmail.com

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>

ELVBestaeva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

С.В. Медведев — разработка методологической основы исследования.

Е.Е. Кочетков — определение проблематики, новизны и актуальности исследования.

Е.В. Бестаева — цифровизация архивных материалов и их классификация.

Authors' claimed contributions:

S.V. Medvedev — development of the methodological basis of the research.

E.E. Kochetkov — definition of the issue, novelty and relevance of the research.

E.V. Bestaeva — digitalization and classification of archival materials.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.02.2023; accepted for publication on 05.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.